

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ...

Пермская труппа «Балет толстых»
показала красоту русской души

Независимая Газета. - 2000. - 10 июля. - с. 7

Наталья Звенигородская

ОНИ НЕ сидят на диете и не глотают сжигатели жира. Вообще не думают худеть. Они — танцуют. И называются «Балет толстых». Руководитель Пермского государственного театра балета Евгений Панфилов создал этот коллектив 7 лет назад. *«Не для эпатажа. Не для того, чтобы сказали: Панфилов опять придумал такое, что все должны перевернуться вверх ногами. Просто я захотел это сделать — и сделал».* В репертуаре труппы 6 программ. Поначалу это были развлекательные представления, построенные главным образом на комическом несоответствии балета и кустодиевских женских форм. Но очень скоро Панфилову *«надоело ублажать публику».*

В рамках прошедшей недавно в Москве выставки-ярмарки «ТЕАТР-ИНФОРМ-2000» «Балет толстых» показал последнюю свою премьеру — «Бабы. Год 1945». Имя заведомого маргинала, одного из лидеров российской танцевальной авангарда, в последнюю очередь ожидаешь увидеть на афише «датской» постановки. Посвятив спектакль 55-летию победы в Великой Отечественной войне, Панфилов не испугался набивших оскомину казенных ассоциаций. Понятно, почему. Это не спектакль к дате.

Это спектакль к нашей боли, к нашей памяти. К генетической памяти и генетической боли. И не последних только шестидесяти лет, а с незапамятных времен. С тех самых времен, когда женщин называли лебедушками, и плач их оставался песнею в веках. И стояли лебедушки у дорог, обдаваемые пылью из-под конских копыт. И смотрели вслед... Ах, как передают этот взгляд панфиловские «бабы»! У всех четырнадцати на удивление красивые лица. Быть может, в автобусе или на работе (а все они где-то работают) это не так бросается в глаза. Но на сцене они красавицы.

Панфилов создал хореографическую фреску. Величественная простота без ложного пафоса и дешевой патетики. В изобразительных средствах единственно гармоничное сочетание необходимого и достаточного. Фактуру танцовщиц не приходится «подверстывать» под некую художественную идею. Эта идея, неповторимый образ спектакля с иными линиями, иной пластикой попросту невозможны. Как невозможны были бы они и без созданных самим хореографом костюмов. Ни цвет, ни ткань, ни ее свойство ложиться мягкой, текучей складкой — ничто не случайно. В этих складках и преломлении света то отстраненная эпическая скульптурность, то застиранный уют деревенского дома.

Одна из самых сильных, а может, самая сильная сторона даро-

«Бабы. Год 1945». Сцена из спектакля.

вания Евгения Панфилова — мощная интуиция. Но есть в спектакле момент, когда он перестает доверять ей. Внезапно драгоценная фреска оборачивается ресторанной росписью, когда на сцене появляется ходячая метафора в бирюзовом сарафане и грандиозном бело-пуховом кокошнике. Символ то ли России, то ли несбыточного счастья с «гжельскими» ведрами на лубочном коромысле. Композиция, стиль, колорит спектакля — все мгновенно разрушается. Не говоря уже о ненадрывной, но под-

линно драматичной ноте, которую так редко удастся взять, не сорвав голос.

Впрочем, это все-таки частность. К тому же, при желании, легко и безболезненно устранимая. «Бабы. Год 1945» — безусловно событие. И нет ничего удивительного в том, что спектакль собираются выдвинуть на премию «Золотая маска» в номинации «Новация». Если это случится, москвичам представится счастливая возможность вновь увидеть его весной в рамках «масочного» фестиваля. ■